

Пушкин в грузинской литературе.

I.

«Луна сияла; все было тихо; топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии. Я ехал долго, не встречая признаков жилья. Наконец увидел уединенную саклю. Я стал стучаться в дверь. Вышел хозяин. Я попросил воды, сперва по-русски, а потом по-татарски. Он меня не понял. Удивительная беспечность! В тридцати верстах от Тифлиса, и на дороге в Персию и Турцию, он не знал ни слова ни по-русски, ни по-татарски». Так писал Пушкин в 1829 году в своем «Путешествии в Арзрум».

В 1769 г., т.-е. за 32 года до присоединения Грузии к Российской империи, Екатерина II запрашивает Коллегию Иностранных Дел: «Нет ли в Коллегии карты исправнее печатной и верней, и как грузинские владения лежат, и к каким соседом? Имеют ли грузинские владетели морские порты на Каспийском или Черном Море? Тифлис стоит на одних картах на Черном, а на других Каспийском море, а в иных и в среди земли...» 1).

Пушкин, несправедливо обвиняя хозяина сакли, повидимому, грузина, в беспечности насчет русского или татарского языка, вероятно, не знал или не помнил в ту минуту этой поразительной «беспечности» уже в государственном масштабе, которой впоследствии отдать дань пришлось, увы, и великому русскому поэту.

В самом деле, как откликнулось «эхо» Пушкина на общественную жизнь Грузии 30-х годов?

В «Путешествии в Арзрум» читаем: «В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился там с тамошним обществом. С[анковский], издатель Тифлисских Ведомостей, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о К. Цицианове, об А. П. Ермолове и проч., С[анковский] любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность...»

Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают

большой образованности. Они вообще нрава веселого и общительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку».

Можно подумать, что тон намеренно наивный. Это соответствовало бы художественному складу поэта, но это не соответствует общему фону изображаемой им действительности. Пушкин не забывает и кахетинского вина, рассказывает про трагикомический случай с русским драгуном, «тайно открывшим» зарытый в землю винный кувшин и утонувшем в вине; он помнит даже местное название подобных кувшинов—«маран», хотя, кстати, искажает до неузнаваемости местное же название, вернее — толкование названия города Тифлиса («Т б и м и к а л а р» вместо Т'пили калак-и «теплый город»). Словом, в описании Грузии и ее столицы незаурядного Пушкина едва ли отличишь от заурядных туристов.

Между тем, именно 1829 год, год путешествия Пушкина в Арзрум, был далеко необычный в истории Грузии, в частности, в истории грузинской интеллигенции. Лихорадочное биение общественного пульса нашло, между прочим, свое отражение в факте организации в этом году того политико-романтического общества, которое называлось «тайное содружество» и которое возглавляли грузинские декабристы — лучшие представители грузинской общественности и грузинской литературы того времени. Пушкин, находясь не на расстоянии тридцати верст, но всего в нескольких шагах от них, не только не знал ничего об этих политических настроениях «грузинцев», но, что всего поразительнее, он не знал ничего о существовании блестящей плеяды грузинских писателей—братьев по перу, которые, с своей стороны, недурно знали и самого Пушкина, и его предшественников в русской поэзии; он и не мог подозревать, что в 1830 году в Петербурге, в альбоме царевича Теймураза, рядом с крамольными стихами имеретинского царя Соломона о скифском деспоте, появится в грузинском переводе его Ангел («В дверях Эдема ангел нежный»), а всего несколько лет спустя в том же альбоме ему будет уделено почетное место, будут интересоваться даже его частной жизнью вплоть до мелочей, в роде анекдота о комете и ее длинном хвосте.

Только такой неосведомленностью поэта можно объяснить его наивно-снихождительную оценку грузинских песен: «Голос песен грузинских приятен», пишет он в своем «Путешествии в Арзрум», «мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица; имеющая свое поэтическое достоинство». Дальше приводится эта самая песня — ходячий шаблон, ничего

не говорящий грузину тридцатых годов после первоклассных лириков XVIII и начала XIX века, вроде Саятновы, Бесики и целого ряда выдающихся «ашугов».

Ко времени пребывания Пушкина в Грузии в грузинской поэзии уже наметился перелом в сторону ориентации на европейскую, более всего, русскую поэзию. Международность мусульманских языков, персидского и османского, турецкого, в пределах Кавказа, в частности Грузии, а вместе с тем влияние персидских лириков на грузинскую литературу не могли выдержать сильного напора новых веяний, идущих с Севера. Там и сям еще видны следы Гафиза, но и этот персидский лирик все более и более окружается экзотическим ореолом.

Проникновение русского влияния в грузинскую литературу грузинское общественное мнение обычно приписывает руссификаторской политике правящих кругов, систематическому воплощению русскими чиновниками лозунга Екатерины—обработать грузин так, чтобы «тело у них было грузинское, а душа—русская». Подобный взгляд на дело безусловно умаляет искони—активную роль Грузии в деле проникновения в иноплеменную культуру и органического усвоения новых культурных начал, откуда бы они ни исходили: от дружественно ли к ней расположенных или враждебных ей народов. К тому же руссифицировать, в духе Екатерины II, народ с богатым и сложным культурным прошлым, с актуальным литературным наследством и с одним из интернациональных, в пределах Кавказа, языков—требовало значительно большего ума и умения, чем составление русского букваря и русской безграмотной «хрестоматии» для бесписьменных народов Кавказа.

Русская литература XIX века не могла не найти отклика в грузинской светской поэзии, всегда чуткой к новым литературным формам, и всегда, в самобытности своей, проявляющей тягу к межнациональным литературным источникам ²⁾.

Живой интерес к русской поэзии, вообще к поэзии славян, здесь наметился еще задолго до присоединения Грузии к России. Чтобы не выходить за рамки настоящей статьи, я укажу только на грузинского поэта XVIII в. Давида Гурамишвили, участника войны с Пруссией (1757 г.), который так удачно комбинировал в своих произведениях заимствованные им из польской, украинской и русской поэзии новые формы стихосложения.

Однако, наиболее тесные литературные связи с Россией установились в грузинской художественной литературе со времени Пушкина и через Пушкина. Можно сказать, что в лице «первой любви» России грузинские поэты послали свой первый осознанный поэтический привет обновленной русской поэзии и наиболее передовой части русской интеллигенции.

Нужно заметить, что до сих пор вопрос о роли Пушкина в грузинской литературе не только не освещался в надлежащей мере, но и вовсе не затрагивался ни в общих курсах по истории грузинской литературы, ни в специальных трудах историко-литературного значения. Собранный мною материал и составляет первую попытку поставить этот вопрос, понятно, не для окончательного его решения, а хотя бы для частичного пополнения только что указанного пробела. Прежде чем перейти к отдельным поэтам, позволю себе предварительно дать голый перечень тех произведений Пушкина, которые нашли тот или иной отклик в грузинской поэзии, в виде ли их переводов или подражаний, без соблюдения хронологического порядка: «Зимний вечер», «В чужбине свято наблюдаю», «Нет, нет, не должен я», «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), «Телега жизни», «Кто знает край», «Пью за здравие Мери», «Полтава», «Скупой рыцарь», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Романс» («Под вечер осенью ненастной»), «Молитва» («Отцы-пустынники и жены непорочны»), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», «О, муза пламенной сатиры», «Ангел» («В дверях Эдема Ангел нежный»), «Пробуждение» (Элегия), «Демон», «Пророк», «Братья разбойники», «Евгений Онегин» (Гл. VII, 52-я строфа), «Друзьям», «Обвал», «Цветок», «Анчар», «Элегия» (Г-же Ризнич), «Веселый пир», «26 мая 1828 г.» и др.

II.

Свой краткий обзор начну с ссыльного царевича Теймураза, в альбоме которого ³⁾ имеется несколько любопытных переводов стихотворений Пушкина; шесть номеров из них, написанных красивым военным письмом в отдельной тетрадке — принадлежат перу талантливому грузинскому переводчику Соломона Размадзе, и только незначительная часть — самому Теймуразу. Царевич Теймураз и его близкие сотрудники много содействовали ознакомлению своих далеких соотечественников с русской общественностью и русской литературой. О серьезном интересе этого полуграмотного в русском языке царевича к русской литературе говорят как его собственные, так и старательно переписанные им самим (иногда несколько раз) чужие грузинские переводы из произведений Пушкина. Эти переводы следующие: 1) «Ангел» (переведен в 1830 году Теймуразом), 2) «О, Муза пламенной сатиры» (в 2-х переводах), 3) «Элегия» (Мечты, мечты, где ваша сладость), 4) «Демон», 5) «Пророк», 6) «Веселый пир», 7) «Братья-Разбойники» (отрывок), и 52-я строфа 7-й главы «Евгения Онегина».

Над переводом маленькой пьесы «Ангел» Теймураз потруился немало. Прежде всего он дает подстрочный перевод, затем

Указанный куплет заполняется соответствующим стихом в Теймуразовском варианте следующим образом:

Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы,
Но вы, ребята — подлецы *и т. д.*

<i>Анн.</i>	<i>Т.</i>
10. Мир вам, несчастные глупцы.	11. Мир вам, смиренные глупцы.
11. А вы, ребята—подлецы.	12. Но вы, ребята—подлецы.
13. Я мучить казнию стыда.	14. Терзать я казнию стыда ⁶).

Относительно 14-го стиха («а если же кого забуду») П. О. Морозов пишет: «Мы позволили себе исправить явную опечатку в 14-м стихе, который во всех изданиях читается: «А если же кого забуду»: очевидно Пушкин не мог сделать такой ошибки против русского языка» (Морозов его исправляет так: «А если я кого забуду». См. соч. Пушкина, ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 124 и прим. 125, СПб. 1887). То же и в изд. Венгерова (т. V, стр. LXV, прим. к № 664): «... стих 14-й, без сомнения, прочитан неверно, ибо Пушкин не мог написать безграмотного выражения: «А если же». Теймуразовский вариант дает следующее чтение этого (Т. 16) стиха: «И ежель кого забуду».

Анн. 17. О, сколько лбов широко-медных

Т. 18. О, сколько лбов широких, медных.

В грузинском переводе попадают описательные образы, вроде: «не подражателям неумелым, хладно сочиняющим», или: «не переводчикам, как волк голодным» и т. д. Видно по всему, что эта сатира пользовалась большой популярностью среди друзей Теймураза.

Значительно больше искусства и умения в переводе Пушкина проявляет С. Размадзе: варьируя размеры, он старается передать приблизительно пушкинскую музыку — и достигает этого местами ценою довольно свободного отступления от текста; так, стихи:

...Исчезнул он,
Веселый сон.
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели

Немая ночь;
Вмиг охладели;
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.

В переводе Р а з м а д з е звучат следующим образом:

Vay [рук. vai] saamoni igi sizmarni,
Tarqdes viṣṣ qarni!
Da me, ḡaribsa, uṣskruls sibneles
Ṗvalni aḡmeqwnes,
Loginad mtolsa,
Bind-moburvilsa:
Anazdad tarqden,
Anazdad gahqren
Molandebani sikvarulisa;
Hsuris шepkroba sulsа sulisa,
Aramed evlts (sic) zmaneba sulsа,
Sopliṣṣ gasulsа¹⁾, т.-е.

Увы, исчезли, подобно ветру,
Те сны веселые (букв. приятные)
И я, одинокий, во тьме глубокой (букв. бездонной)
Открыл глаза, лежа в постели,
Мраком окутанный;
Вдруг исчезли,
Вдруг улетели
Призраки любви.
Душа стремится к душе (букв. душа желает пой-
мать душу),

Но мечты убегают от души,
Покинувшей свет.

«Пробуждение» Пушкина удачно было переведено на грузинский язык и Александром Чавчавадзе, но обычной 14-сложной стопой. Размадзе удалось своим переводом ввести новый размер в грузинское стихосложение.

Почти безупречным является и перевод «Веселого пира». Особую силу переводу придает сохранение союзного слова «где» в соответствующих местах («Где веселье председатель», «Где до утра слово пей», «Где просторен круг гостей») и, так сказать, «огрузинение» картины пира: так, переводчик не довольствуется тем, что «до утра слово «пей» заглушает крики пепен»: данное место у него звучит так:

¹⁾ По техническим условиям яфетидологическая транскрипция не вполне выдержана.

Sadaḡa sitkva-sesvi, shegargos
 Da daḡa-duḡi damḡa, diqvebḡa
 Aḡematebis simgerisā zars,—

т.-е.:

Где слова «пей» и «на здоровье»,
 И чоканье чаш и рогов турьих
 Заглушает (6 убв. превосходит) крики песен;

или стихи:

Где просторен круг гостей,
 А кружок бутылок тесен—

в переводе Размадзе:

Где просторен круг кутил,
 И «чапами» (большими глиняными кувшинами) полон
 стол.

В подражание «Веселому пиру» писал и грузинский поэт Григорий Орбелиани в 1832 г. в бытность свою в Петербурге. Если я несколько подробно останавливаюсь на этих переводах, то это чтобы показать причину того обаяния, какое пушкинские стихи могли иметь на грузинских поэтов. Само собой понятно, «Веселый пир» ни своим мотивом, ни общим настроением не мог особенно удивить «эпикурейцев», подобно Григорию Орбелиани или Александру Чавчавадзе. И если, тем не менее, это стихотворение переводится и ему даже подражают, то причину этого нужно искать в той смелости и легкости стиха, которые сами по себе, своей новизной и свежестью должны были вызвать соответствующую реакцию у людей с художественным чутьем.

Стихотворение С. Размадзе, озаглавленное «Из Онегина» представляет скорее вольный перевод, чем перевод в строгом смысле. Первые четыре стиха (7 гл. II):

У ночи много звезд прелестных
 Красавиц много на Москве,
 Но ярче всех подруг небесных
 Луна в воздушной синеве

переданы у Размадзе в виде а—а—b, с—с—b:

ḡames uvian mḡiebni nazni
 Tḡiliss saḡeven mḡadni lamazni
 Mravlad da mḡavlad.

Vida žiurda mnadba ġamisā
 Āgematebis šqivi mđvarisa
 Mravlad da mravlad,—и т. д.

Москва заменяется Тифлисом, и, словно в связи с такой заменой, перенесшись в родную стихию, переводчик вспоминает знакомые ему образы. Стих «Как негой грудь её полна» он переводит: «Какой сладостью полна ее чарующе-хрустальная грудь»; вместо пушкинского «Как томен взор ее чудесный» — у Размадзе: «Как она мечет стрелы из зрачков нежно-мерцающих! Как украшает ее ланиты сияющая улыбка».

Из остальных переводов Размадзе следует особенно отметить его искусный перевод «Пророка», лишь в мелочах несоответствующий с оригиналом. Позднее образцовым переводом этого стихотворения прославился выдающийся грузинский поэт Илья Чавчавадзе (1837—1907).

Но переводы Теймураза и Размадзе только лишь первые неуверенные шаги к усвоению пушкинской поэзии и к ознакомлению с ней грузинской читающей публики.

Более популярным в грузинской художественной литературе имя Пушкина становится благодаря уже упомянутым мною Ал. Чавчавадзе, Григорию и особенно Вахтангу Орбелиани.

Александр Чавчавадзе—современник Пушкина (умер 1846 г.), тесть Грибоедова, известен в грузинской литературе как «певец розы и соловья», и, не совсем точно, как поэт-эпикуреец. Скучные сведения, которые имеются у нас о его жизни и деятельности, не позволяют нам точно установить время появления его оригинальных или переводных стихотворений, в том числе и переводов стихотворений Пушкина. Однако, есть основания предполагать, что с пушкинской поэзией он познакомился еще в ранней юности в Петербурге.

Об его увлечении Пушкиным говорят не только переводы таких произведений русского поэта, как «Обвал», «Анчар», «Цветок», «Элегия» (Мечты, мечты, где Ваша сладость), но даже реминисценции из лицейских стихотворений, вроде: «В кустах таятся Купидоны» и пр. (ср. «В темной рощице таятся часто пламенный Эрот») и множество мифологических образов (музы, грации, Аполлон, Геба), носящих явный отпечаток пушкинского творчества. Из переводов Чавчавадзе особенно повезло стихотворению Пушкина «Цветок». Его распевали и распевают (правда, далеко не на грузинский лад) даже в глухих деревнях, а невежественные издатели полных собраний сочинений грузинских классиков бесцеремонно преподносили его читающей публике, то как стихотворение Чавчавадзе, то как романс поэта Бараташвили.

В сборнике стихотворений Алекс. Чавчавадзе, изданном в Тифлисе в 1881 г., кроме стихотворений, указанных издателем, как переводы из Пушкина, имеется еще перевод лицейского стихотворения «Друзьям» («Богами вам еще даны золотые дни, золотые ночи»), считающийся, по видимому, оригинальным стихотворением грузинского поэта. Перевод очень близок к оригиналу, если не считать двух-трех деталей, характерных для Чавчавадзе: так вместо «внимательные очи» (в стихе «И томных дев устремлены на вас внимательные очи») у грузинского поэта находим «красивые очи» вместо «И вашей радости беспечной сквозят слезы улыбуясь я» — в переводе: «Может быть и меня, радующегося вашей беспечной радости, посетит улыбка, хоть и неизсякаемо текут у меня слезы». Реминисценцией из «Блаженства» («Вдруг является сатир. Чашу дружбы круговую пенистым серебром вином» и т. д.) отзывается и следующее стихотворение Чавчавадзе: «Некогда рука неумолимая преподнесла мне, томимому жаждой любви, чашу из лала и сказала мне: полно горевать, выпей ее [до дна]. Уста жадно прикикли к сладкому шербету. Но жажды не мог утолить, напротив, она усилилась». Время для более подробного выяснения роли Пушкина в творчестве Александра Чавчавадзе, понятно, еще не пришло: у нас нет еще тщательного и более или менее научного издания его стихотворений, без чего трудно и рискованно делать определенные выводы по интересующему вопросу.

Покойный Кита Абашидзе, известный грузинский литературный критик, так заканчивает свой краткий очерк поэтической деятельности Ал. Чавчавадзе: «Таким образом, князь Александр Чавчавадзе — поэт с большим дарованием; он последний из грузинских поэтов, испытавших на себе влияние персидской поэзии: на это указывают формы его стихосложения, названия размеров, отдельные слова, сами мысли (!) и различные поэтические приемы, которыми он пользовался. Персидское и азиатское (!) влияние сказывается в его чрезмерно чувственном взгляде на любовь, в том, что чувственность в его глазах выше всякого дарования; этим же влиянием следует объяснить и свойственный ему способ натуралистического изображения [человеческого] чувства» 7).

Покойный критик не заметил, сколько грузинского добра лежало под персидским покровом (под теджнисом, мухамбазом и мустазадом) и совершенно не понял того синкретизма «азиатских» и «европейских» мотивов, который характерен в грузинской поэзии XIX в. не для одного только Ал. Чавчавадзе. Среди писателей, нашедших отклик в лирике А. Чавчавадзе, Пушкин занимал далеко не последнее место, и едва ли не одно из первых мест в смысле обогащения Чавчавадзевской поэзии новыми образами и, частью, новыми мотивами.

III.

Не в количественном, но в качественном отношении важный материал для исследователя вопроса о роли Пушкина в истории новейшей грузинской поэзии представляет один из лучших грузинских лириков XIX в. Григорий Орбелиани. Орбелиани родился в 1800 г. и, дожив до глубокой старости, скончался в 1883 г. За принадлежность к «тайному содружеству» грузинских декабристов, он, еще тридцати двух лет, был приговорен к ссылке в Новгород, где он и пробыл около года в заключении. В особенную вину ставили ему перевод на грузинский язык «Исповеди Наливайки» Рылеева. Орбелиани был вообще хорошо начитан в русской литературе и прославил себя, между прочим, своими удачными переводами нескольких басен Крылова и некоторых произведений Жуковского и Пушкина.

Тщательное изучение Гр. Орбелиани вскрывает глубокие следы влияния Пушкина на его лирику. Я здесь остановлюсь только на двух его оригинальных стихотворениях; одно из них 1837 г., озаглавленное: «Г-же М.» (посвящение)... на мотив «бьется сердце», сильно напоминает «Элегию» Пушкина, посвященную г-же Ризнич, а местами смахивает на ее прямой перевод. Для сличения с «Элегией» Пушкина, приведу параллельные с ней места в русском переводе.

Пушкин.	5	Окружена поклонников толпой,
	6	Зачем для всех казаться хочешь милой?
Орбелиани.	1	Когда толпа поклонников, словно мотыльки,
		порхает вокруг тебя,
	2	Зачем всякому из них хочешь казаться
		прекрасной?
Пушкин.	7	И всех дарит надеждою пустой
	8	Твой чудный взор, то нежный, то лукавый.
Орбелиани.	3—4	Зачем неискренние их похвалы ты слушаешь с удовольствием,
		Радую этим их, обманутых в надежде.
Пушкин.	11	Не видишь ты, когда в толпе их страстной,
	12	Беседы чужд, один и молчалив,
	13	Терзаюсь я досадой одинокой;
	14	Ни слова мне, ни взгляда...
Орбелиани.	5	Я—как затерянный среди них; стрелы ревности попадают в мое сердце.
	6	Ни словом, и ни взглядом не удостоишь
		меня, не утетишь.
Пушкин.	36—37	Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

- Орбелиани. 9 Не знаешь ты—как пламя любви мое сердце
сжигает,
10 Не знаешь ты, как душа моя страдает.
Пушкин. 29—34 Но я любим!.. Наедине со мною
Ты так нежна... и т. д.
34 Но я любим тебя я понимаю.
Орбелиани. 11 Но я знаю тебя и верю тебе... вновь воз-
радуется сердце мое.
12 Сижу поотдаль от тебя, смотрю на тебя,
моя радость... мне весело.

Помимо приведенных мест, в стихотворении Орбелиани там и сям вкраплены отдельные штрихи, заимствованные все из той же «Элегии» Пушкина, напр., выражение «стрелы ревности» напоминает первый стих элегии: «Простишь ли мне ревнивые мечты», или 7—8 стихи Орбелиани: «Чтобы столь мучительное волнение моей души улеглось, и боль от безумной любви смягчилась»—отвечают 2-му стиху Пушкина: «моей любви безумное волнение» и т. д.

Тот же мотив и те же образы повторяются во второй половине другого стихотворения Орбелиани («Г-же С... С...»). Даю буквальный перевод:

«Когда толпы влюбленных порхают, как мотыльки, вокруг твоих прелестей, и увлекают тебя, рассеянную, в море наслаждений, не буду я жалеть, если в памяти твоей потускнеет тогда мой образ—одинокое тоскующего по тебе, лишь бы сердце твое, верное мне, иной раз вспомнило обо мне».

Влияние Пушкина чувствуется и в целом ряде его ранних стихотворений. Но вопрос требует более тщательного выделения различных, часто перекрещивающихся литературных влияний, чтобы с точностью отличить настоящее пушкинское от только на первый взгляд кажущегося таковым. Так, трудно было бы сейчас сказать—откуда в поэзию Гр. Орбелиани могли проникнуть не совсем обычные для нашего поэта эпитеты, в роде: «нетерпеливая рука» («чтобы нетерпеливая рука дотронулась до моего тара», ср. Пушкина «Жуковскому»: «Ты держишь на коленях лиру нетерпеливою рукой»), «печальная прелесть» и ряд не менее смелых и оригинальных метафор.

IV.

Исключительное влияние имел Пушкин на современника Григория Орбелиани, Вахтанга Вахтанговича Джамбакур-Орбелиани (1812—1890). До 13 лет будущий поэт воспитывался в семье, под руководством матери—младшей дочери царя Ираклия Второго. В 1825 году он был определен

в Пажеский Корпус в Петербурге, откуда, лет через пять, ему пришлось ехать обратно на родину, спасаясь от вредного для его здоровья северного климата. Годы, проведенные в Петербурге, не прошли для него даром. Здесь, повидимому, впервые и начал увлекаться он Пушкиным—подлинным властителем его дум. Интерес к Пушкину не угасал у грузинского поэта до глубокой старости, можно сказать, до самой смерти. Так, в 1887 году появляется в печати его «Бушует Буря», подражание известному стихотворению Пушкина «Зимний вечер». Вахтанг Орбелиани представляется лучшим, среди грузинских поэтов, знатоком и ценителем пушкинского творчества. В полном собрании его сочинений указаны лишь четыре стихотворения — с пометкой «подражания Пушкину». На самом деле, число таких подражаний, не говоря о сплошь и рядом встречающихся реминисценциях, значительно больше. Своеобразная обработка пушкинских мотивов и их самостоятельное комбинирование до сих пор вводят в заблуждение не только широкую читающую публику, но и литературных критиков, относительно источников, которыми пользовался Вахтанг Орбелиани. За вполне оригинальные стихотворения сходят, напр., только что упомянутое «Бушует буря», или «Когда наступит весна», «Прошли года» и др., где местами мы, имеем дело не просто с подражанием, но с буквальным переводом из Пушкина.

Для ясности приведу несколько примеров из стихотворения «Бушует буря». Начало почти буквально совпадает с пушкинским «Зимний вечер», и обратно переводить его по-русски следовало бы пушкинскими же стихами. Второй куплет звучит так:

Наша избушка, увы, ветха и темна,
Жить в ней, без сомнения, тяжело,
Но ты, о друг сиротливой моей жизни,
Не унывай, видно—таков наш удел.

Давай, разведем огонь в камине,
Изжарим шашлык на вертеле,
Услажденные его запахом и шипением,
Присядем около огня, развеем горе.

Послушай меня, опрокинем кулу,
Исчезнут разом тогда заботы и тоска,
Пусть там завывает буря себе,
Мы весело время проведем у огня.

Дальше поэт искусно вплетает национально-патриотические мотивы, развивая этим тему Пушкина:

Спой мне песню, как синица
 Тихо за морем жила,
 Спой мне песню, как девица
 За водой поутру шла.

Место песни о синице и девице у Орбелиани занимают «сердцеуспокаивающие сказки», чудесные сказания о древних героях, о «славных временах грузинских мечей», о битвах с Азат-ханом и проч.; заканчивается стихотворение опять начальными стихами, как и у Пушкина.

Столь же характерным, в смысле влечения пушкинских мотивов, является и стихотворение «Прошли года». Приведу здесь же его перевод, с указанием параллельных мест из Пушкинского: «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»:

Прошли года, что было то [принадлежит] прошлому.
 Светлое небо уж не радует моего сердца.
 Я жив, но душа охладела к жизни;
 Весна меня больше уж не радует.

Что некогда угнетало или веселило меня,
 Что некогда освещало мою душу,
 Что радостью наполняло мое существо,
 Того уж больше нет, то умерло.

С юных лет мое сердце сокрушено,
 Музе моей теперь уж не до красавиц,
 Я уж забыл, что значит жар любви
 (букв. сердце забыло про горечь любви),
 Ни на кого с былой утехой глядеть не могу.

Эти три куплета—почти повторяющие друг друга—соответствуют пяти первым стихам Пушкина:

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
 Волнениям любви безумно предаваться!
 Спокойствие мое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться.
 Нет, полно мне любить.

Орбелиани. Но если вдруг увижу я
 Красавицу, идущую легкой поступью,
 Увижу лик ее прекрасный и небесный,
 Дарующий жизнь всем, кто на нее взирает,
 Почему бы и мне не засмотреться на нее и
 благословить путь ее далекий.

Пушкин. Но почему ж порой
 Не погружуся я в минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдет передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье?
 Пройдет и скроется! Ужель не можно мне

Глазами следовать за ней, и в тишине
 Благословлять ее на радость и на счастье.

Орбелиани. Где ты цвела, почему только теперь тебя я
 вижу?

У нас золотым руном Колхиды тебя называют.
 Явилась к нам—и мы от сердца тебя благосло-
 вяем.

Да не будет печален жребий твой.
 Да исчезнет горе, испытанное тобой,
 Пусть впереди ожидает тебя одна радость.
 Цвети ты вечно, как теперь,
 Одаренная свыше пышной красотой.
 Юноша пылкий да будет твой супруг,
 А не тот, чье сердце остыло к любви—
 Чтобы жизнь твоя была прекрасна и светла,
 Чтобы жизнь твоя была беспечальной.

Здесь опять осложнение пушкинского мотива:

И сердцем ей желать все блага жизни сей:
 Веселья, мир души, беспечные досуги,
 Все... даже счастье того, кто избран ей,
 Кто милой деве даст название супруги.

Ограничусь этими двумя примерами. Эти отклики Пушкину являются типичными и для ряда других стихотворений грузинского поэта.

Таким образом, через Григория и Вахтанга Орбелиани грузинская лирика любви приобретает тот особенный колорит, который свойствен Пушкинским любовным стихотворениям и который мы условно называем «пушкинским».

Не буду здесь касаться стихотворений В. Орбелиани, известных как подражания Пушкину: Когда солнце заходит (из «Воспоминания»: «Когда для смертного умолкнет шумный день»), Раш жй зни—(из «Телега Жизни»), Кто видел—(из «Кто знает край»), Сонм красавиц (из 7-й гл. (52 строфа) Е. Онегина).

Эти подражания представляют интерес новизною отдельных образов и выражений, впервые появляющихся в грузинской поэзии.

Особо следует отметить стихотворение В. Орбелиани «Старому другу». «Приезжай, обращается поэт к своему другу, передо мною раскрыто великое творение Шоты, насладимся его стихами, Гёте, Шекспира и Шиллера вновь вместе перечтем. Побеседуем по душам, оживим в памяти прошлое, развернем летопись нашей родины» и т. д. Естественно спросить себя — не чувствуется ли и здесь влияние «Городка» Пушкина и его посланий к Юдину, Алексееву, Галичу. Вопрос этот мы в праве поставить, зная исключительную любовь Вахтанга к Пушкину и предпочтение, которое он отдавал ему перед другими русскими писателями.

Влияние Пушкина на грузинскую литературу не ограничивается поэзией Александра Чавчавадзе, Григория и Вахтанга Орбелиани. Оно в той или иной мере сказывается и на произведениях ряда других видных грузинских лириков. Однако, вопрос требует специального освещения. Я попытался только наметить этот вопрос, одинаково, думается, интересный как для грузинских, так и для русских историков литературы.

К. Дондуа.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА
ПРИ ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

ПУШКИН

В МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926